4
И-90

История топонимики в СССР

М., 1967

63016

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
МОСКОВСКИЙ ФИЛИАЛ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
ИНСТИТУТ ГЕОГРАФИИ

ИСТОРИЯ ТОПОНИМИКИ В СССР

Тезисы докладов

Москва—1967

4
И-90

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

63016

Оргкомитет совещания

В. Д. Беленькая, Г. П. Бондарук, Э. М. Мурзаев, Н. В. Подольская, Е. М. Поспелов (председатель)

63016

4
И-90
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

А. И. Попов

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕТОДОВ ТОПОНИМИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Уже в древнейших русских летописях мы находим первые попытки исторического обоснования встречающихся в них толкований топонимического материала. По существу дела все они сводятся к тем или иным топонимическим легендам, по большей части связывающим данные топонимики с личной онамастикой (патронимикой). Разумеется, достоверность этих легенд не может быть признана; в лучшем случае некоторые из них содержат какие-то ничтожные крупицы истины.

2. В XVI—XVII вв. случайные топонимические образцы более ранних источников заменяются систематически выраженной точкой зрения, по которой географические названия тесно связываются с известными из истории более или менее схожими племенными именами и будто бы соответствующими им личными. Эта псевдоисторическая тенденция господствует и в XVIII в., заметным образом отражаясь у В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова.

3. В XIX в. топонимические материалы довольно широко вошли в историко-географические исследования И. Д. Беляева, Н. П. Барсова и ряда других представителей изучения русской истории с географической стороны. Однако эти работы отличаются очень слабой историчностью и не могут быть причислены к числу серьезных научных произведений. Исключением для этого времени являются только некоторые работы по финноугроведению, связанные с именами А. Шегрена, М. А. Кастрена и Ф. Видемана, а также отдельные заметки Я. К. Грота.

4. В первой трети XX в. топонимический материал начинает встречаться все чаще и чаще на страницах работ по истории и этнографии народов России, а затем—СССР. Появляются ис-

следования по этнографии коми, удмуртов, марийцев, мордвы — И. Н. Смирнова, в которых топонимические данные привлекаются по большей части неудачно; совершенно неудовлетворительны историко-географические работы С. К. Кузнецова, необоснованны многочисленные топонимические этюды А. И. Соболевского, лежащие, как и соответствующие попытки Н. Я. Марра и его учеников, вне всякого исторического плана. В последних можно найти особенно много полностью фантастических «этнонимических» толкований географических имен, частью даже воскрешающих антиисторические догадки хронографов XVI—XVII вв.

Наконец, с конца 20-х—начала 30-х гг. появляются работы М. Фасмера, с попытками подвести некоторые итоги достигнутых результатов в области скандинавской, балтийской, финно-угорской топонимики на территории СССР. Попытки эти, отраженные в окончательной форме в топонимических материалах «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера, нельзя назвать очень удачными, благодаря отсутствию в них собственно исторического начала; М. Фасмер не был самостоятелен в исследованиях этого рода опираясь на своих предшественников, но не будучи более или менее обстоятельно знаком с древнерусским историческим материалом.

5. Начиная со средины нашего века, появилось уже значительное число специальных работ по отечественной топонимике, которая ныне обособилась в качестве отдельной науки. Однако нельзя сказать, что вся эта литература проникнута в равной степени историзмом. В значительной мере это чисто филологические произведения, нередко без всякого привлечения исторических материалов.

6. Исторические основы методов топонимического исследования должны характеризоваться следующими требованиями. Прежде всего, необходимо изучение всей совокупности исторических, археологических и иных данных, относящихся к племенному (языковому) составу древнего населения рассматриваемой территории в разные эпохи,—поскольку такие данные вообще могут быть установлены.

Далее совершенно необходимо подробнейшее исследование всего документального материала (в том числе и картографического) с древними и старинными упоминаниями изучаемых местностей, обычно весьма богатого. Очень важно изучение двойных (переводных) названий, а также установление наиболее распространенных (массовых) типов названий на данной

территории. Наконец, весьма существенно также установление соответствия смысла географического названия с его естественными географическими характеристиками.

Все это должно входить в состав исторической основы топонимического исследования.

А. В. Суперанская

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В НАУКЕ О ЯЗЫКЕ

1. Собственные имена выделяются как отдельная лингвистическая категория уже в трудах античных грамматиков. С древнейших времен до середины XX в. лингвистами не акцентировалась разница между именами людей и географическими названиями, а, скорее, подчеркивалось их сходство, а также отличие тех и других от нарицательной лексики. Вот почему в настоящем обзоре невозможно говорить об одних топонимах, игнорируя другие собственные имена. В поле зрения филологов попадали, как правило, имена всемирно известных личностей и наиболее крупных географических объектов, а это — традиционные слова, занимающие в языке иное место по сравнению с основной массой топонимов и антропонимов. Обращение к сплошному анализу топонимического материала определенных территорий вводит в середине XX в. в лингвистический анализ «рядовые» топонимы, что позволяет по-новому взглянуть на прежние теории.

2. С древнейших времен и до наших дней существует несколько попарно взаимопротивоположных теорий собственных имен, построенных на небольшом материале традиционных топонимов и антропонимов: а) что собственные имена индивидуальны; б) что все собственные имена синонимичны друг другу, в) что собственные имена не имеют значения, г) что собственные имена имеют большее значение, чем нарицательные. Каждая из этих теорий содержит рациональное зерно, и в каждой имеются слабые звенья.

3. В конце XIX—начале XX в. пересматриваются античные теории собственных имен и возникают новые: а) теория «быть так-то и так-то названным», согласно которой быть так-то названным составляет единственное значение собственного имени, и б) теория этикеток, приравнивающая собственные имена к

библиотечным ярлычкам на книжных корешках. Обе теории весьма поверхностны и далеки от того, чтобы объяснить сущность собственных имен.

4. Введение Ф. де-Соссюром в лингвистику понятия языкового знака способствовало дальнейшему развитию теоретической ономастики и, в частности, появление теории произвольности собственных имен. Но собственные имена не более и не менее произвольны, чем прочие языковые знаки, в связи с чем указанная теория не выдерживает критики.

5. Пытаясь построить теорию, дающую однозначное определение имени собственного, Х. Серенсен создает формулу выявления имени собственного для английского языка: P=the x that . . . at the time t at the place p, — то есть, «собственное имя— это тот самый икс, который делал то-то в такое-то время, в таком-то месте». Но указанная формула уводит нас из лингвистической сферы в историческую и подменяет определение имени на основе данных языка нашими знаниями о данном субъекте. Последователь Х. Серенсена О. Лейс, находясь также на грамматических позициях, сближает собственные имена с существенными типа соль, вода.

6. Специалист в области семантики С. Уллманн, в противоположность Х. Серенсену, понимает значение имени собственного функционально: значение — это отношение, а не факт семантической ситуации. Имя относится не к вещи, а к нашему представлению о ней.

7. П. Трост основным в собственном имени считает то, что оно идентифицирует, выделяя индивидуальное из массового и определяет на основе индивидуальной знаковой условности, а не общего значения.

8. Так менялись в лингвистике взгляды на собственное имя: от беспомощной и робкой «теории»: «уж так назвали» до серьезных знаковых построений. Считая выводы П. Троста наиболее точными, отметим, что и в его построениях фигурирует собственное имя вообще, имя как абстрактная категория, мало похожее на основную массу рядовых имен. П. Трост прав в том, что, не отвлекшись от тысяч конкретных реализаций, общей теории не построишь. Необходимо выбрать лишь то общее, что объединяет собственные имена, выделяя из массы апеляти-вов. Массовый топонимический и антропонимический материал, уже поступающий в ведение лингвистики, поможет в недалеком будущем проверить справедливость выводов П. Троста, сделанных на ограниченном материале и уточнить отмеченные им общие черты, характерные для любых собственных имен.

Ю. А. Карпенко

ИСТОРИЯ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО МЕТОДА В ТОПОНИМИКЕ

Многие годы этимология была единственной задачей топонимики. Да и теперь она остается, по-видимому, проблемой № 1 и по важности, и, конечно, по трудности, хотя наука о собственных географических названиях успела обрасти немалым числом вопросов, слабо связанных или совсем не связанных с этимологией.

До появления сравнительно-исторического метода этимологизирование собственных географических названий представлялось в общем довольно легким и приятным делом, и мода на занятия такого рода была весьма распространенной. Уровень этого донаучного периода развития топонимической этимологии могут характеризовать например, наивные фантазии В. К. Тредиаковского (Норвегия — из Наверхия, так как находится на верху карты; Италия—из Удалия, удаленная; Британия—из Пристания и т. д.). Дело в том, что никаких критериев построения и проверки этимологии тогда не существовало, и лучшим инструментом, каким мог располагать исследователь, была его интуиция. Поэтому правильные этимологии появлялись только случайно—и даже они не могли быть обоснованны и доказаны. Идеальным результатом интерпретации, который достигался редко, являлось приближение к объяснениям, бытовавшим у местного населения, то есть к народной этимологии.

XIX и начало XX в. составляют следующий, очень важный период в развитии этимологического метода в топонимике. Это — уже научный, но еще не топонимический период. Самым существенным достижением этого времени явилось применение принципа фонетических соответствий, выработанного компаративистикой. Данный принцип и стал основным критерием топонимических этимологий, значительно сузив их произвольность. Пришло постепенное и понимание того, что можно назвать историческим критерием (историческая вероятность этимологии; название, например, следует объяснять из тех языков, которые действительно или предположительно употреблялись на данной территории) и географическим критерием (географическая вероятность этимологии, поиск объяснения названия в изучении объекта). Было замечено распространение таких подводных рифов, как народная этимология (Сарское село—Цар-

ское село) и перевод названия (Белый камень — из Вейсенштейн; примеры Я. К. Грота).

Все эти моменты плодотворно отразились на развитии топонимической этимологии. Они в полной мере сохраняют свою актуальность и в настоящее время. Обсуждение отдельных названий, в частности споры вокруг имен Русь и Москва, показали сложность и трудность интерпретации топонимов. Поэтому исследователи, особенно лингвисты, стали в этих вопросах проявлять значительно большую осторожность. Ошибочных интерпретаций и тогда появлялось очень много, но в целом их стало меньше.

Главным же недостатком топонимической этимологии XIX и начала XX в. была ее атомичность. Распространение, топонимический контекст, межтопонимные связи — все это в общем не учитывалось. Следствием этого было и недостаточное внимание к словообразованию топонимии.

После Октября большинство исследователей, занимавшихся этимологией собственных географических названий (А. И. Соболевский и др.), продолжали развивать пути, наметившиеся в XIX в. Последним блестящим представителем этого направления можно считать А. М. Селищева.

Новый аспект топонимической этимологии наметился у Н. Я. Марра и некоторых его последователей. С точки зрения именно анализа происхождения собственных географических названий «новое учение о языке» можно рассматривать как попытку своеобразного системного, неатомического подхода. Однако при этом непреложность фонетических соответствий, равно как и другие критерии, выработанные сравнительно-исторической традицией, были забыты. Поэтому данная попытка была обречена на неудачу.

Два важнейших начала—учет фонетических и вообще языковых закономерностей и комплексный, системный подход — были соединены в отечественной топонимике в работах послевоенного времени. Этим самым топонимическая этимология вступила в новый период своего развития.

Изучение топонимии, а не отдельных топонимов, системность, постепенно вытесняющая старый атомизм, позволила прибавить к выработанным в XIX в. критериям этимологизирования собственных географических названий еще два—словообразовательный и семантический.

Изучение (в частности ареальное) целых топонимических пластов закономерно перенесло центр внимания с корня топо-

нима на его оформление—прежде всего на суффиксы. Это не удалило, а приблизило исследователей к этимологической проблематике, позволив уточнить само понимание этимологии собственного географического названия. Даже правильное установление этимона корневого элемента топонима еще не объясняет происхождения этого топонима, так как остается неизвестным, на каком этапе развития слова оно перешло в топонимию. Словообразовательная же структура названия отражает его историю, зашифрованно повествует о его происхождении.

Проделанные исследования выявили резко выраженную языковую хронологическую и территориальную избирательность топонимической семантики, имеющей, при всем своем внешнем разнообразии, довольно узкие диапозоны для каждой точки во времени и пространстве. Имея общие (панхронические) ограничения, топонимическая семантика вместе с тем обнаруживает столь четкие временные пласты, что представляется в принципе возможным при известной дате возникновения названия однозначно расшифровывать его семантику и наоборот, по расшифрованной семантике датировать возникновение топонима.

Труды А. П. Дульзона, А. К. Матвеева, Э. М. Мурзаева, В. А. Никонова, А. И. Попова, Б. Савукинаса, Б. А. Серебренникова, А. С. Стрижака, В. Н. Топорова, О. Н. Трубачева и других советских топонимистов продолжают развивать научную методику этимологизирования собственных географических названий, уточняют критерии этимологизирования, привлекают дополнительно новые критерии (например, частотный, дающий особенно интересные результаты на фонетическом уровне). Наложение всех этих критериев применительно к одному конкретному названию зачастую все еще не дает однозначного решения. Однако степень произвольности при этом настолько уменьшается, что мы можем, наконец, говорить о том, что топонимика располагает эффективным и надежным инструментом этимологических исследований.

Н. В. Подольская

О РАЗВИТИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Наблюдение и исследование научной терминологии имеют два аспекта. С одной стороны они дают возможность классификации терминов, их отбора, рекомендаций к употреблению

того или иного термина, возможность ввести терминологию данной отрасли науки в определенную систему, унифицировать, — словом, сознательно влиять на развитие терминологии. С другой стороны наблюдение и познание ее дают возможность увидеть становление и развитие самой отрасли науки, т. к. это развитие отражается в терминологии четко и непосредственно со всеми удачами и неудачами, колебаниями и ошибками, выборочным или разномерным развитием всех разделов данной отрасли.

В терминологии, употребляемой в русской научной литературе по ономастике и топонимике в частности мы можем с особенной ясностью наблюдать развитие этой отрасли науки, т. к. в большой семье наук эта отрасль молодая и развитие ее терминологии сравнительно легко прослеживается за последние десятилетия. Хотя в 1962 г. и было отмечено 150-летие со дня выхода в свет одной из первых в России работ по топонимике А. Х. Востокова «Задача любителям этимологии», но это были лишь самые первые шаги в нашей науке. Авторы ранних работ по топонимике в качестве термонологии использовали как правило описательные словосочетания. Так, в названной работе А. Х. Востокова нет ни термина «топонимика», ни «гидронимика», ни «топонимические форманты», ни «топонимизация» хотя именно обо всех этих понятиях в работе и идет речь. Это закономерно, т. к. «отшлифованный» термин возникает как правило позднее возникновения понятия. Термин «топонимика» появляется в отечественной литературе в 20-е годы XX в. (конкурирующим термином позднее служил и сейчас еще употребителен термин «топономастика»). В работах послевоенного периода появляются термины «гидроним», «ороним». По мере развития исследований различных областей топонимики возникала необходимость и в их наименовании, так появились термины «гидронимика», «оронимика, «комонимика» или «ойконимика», «урбонимика», «микротопонимика» и т. д. В соответствии с целью, методом исследования возникли термины «ареальная топонимика», «субстратная топонимика» и другие. Все большая детализация в исследованиях порождает такие термины как «антропотопоним», «дромоним», «детопонимизация» «топоним-ориентир», «гидроойконим», «первичный, вторичный топоним», «эпоним» и многие другие.

Научную терминологию любой данной отрасли можно характеризовать по различным признакам: насколько она развита, насколько стройна система ее терминов с точки зрения отражения понятий науки и с точки зрения языковой структуры

самих терминов, национальна она в основе своей или интернациональна, допускает ли она синонимические дублеты, отражает ли она научные школы и течения, т. е. имеется ли индивидуальное понимание термина в отличие от общепризнанного, построена ли она на базе одного языка или нескольких и какой именно язык лежит в ее основе—классический (латынь, греческий) или живой национальный, застыла она или находится в периоде исканий, рождений новых терминов, уточнений значений уже имеющихся и, наконец, насколько она удовлетворяет исследователя.

Благодаря тому, что в настоящее время по инициативе чешских ономастологов, в частности Яна Свободы, ведется большая работа по выявлению и унификации славянской ономастической терминологии, в которой мы также принимаем участие, имеется возможность сопоставлений и некоторых предварительных выводов. Сегодня русская научная ономастическая терминология в ряду терминологий других славянских языков представляет собой вполне развитую систему. Правда, некоторые понятия еще выражены описательно, напр. «имя (представляющее собой) — словосочетание», «ансамбль географических названий», «названия частей света», «названия природных образований» (ср. чеш. «prirodni imena», укр. «фізіографічні топоніми), «названия объектов, созданных человеком» (ср. чеш. kulturalni jmena, укр. суспільно-культурні топоніми), но многие уже имеют лаконичный однозначный термин. Многие термины мы усвоили из французской, польской и чешской топонимической терминологии.

В области теории исследования русская терминология имеет много своих терминов для понятий возникших у наших исследователей, что составило список дополнений к предложенному чехами списку терминов, напр., такие как топоизоглосса, топонимический контекст, термин-индикатор, тополексема и другие.

Мы можем сказать, что топонимическая терминология, используемая сейчас в нашей литературе лингвистична в своей основе, что определяется методом исследования. Она имеет свою специфику в области номенклатуры, где узаконены греческие (и лишь отчасти латинские) термины и в этой сфере — интернациональна. Что исследователи наши сознательно (или стихийно) стремятся к однозначности термина. Наиболее развитую терминологию имеет гидронимика, за ней сейчас можно поставить микротопонимику (что лишь отчасти связано с разнообразием объектов называния). Несмотря на многочислен-

ные исследования, посвященные названиям поселений — эта область топонимики имеет слабо развитую терминологию. Почти каждая новая работа (особенно диссертации) дает новые термины, удачные или менее удачные, но число их растет.

Русская научная топонимическая терминология имеет большие возможности и перспективы развития. Существующая система понятий и соответствующих им терминов позволяет предполагать появление новых терминов и даже предвидеть их структуру. Упорядочение терминов должно итти по линии однотипности их структур и использования при создании новых терминов слов и терминов максимально понятных исследователям других стран.

Е. М. Черняховская

ИСТОРИЯ РАЗРАБОТКИ ТОПОНИМИЧЕСКИХ КЛАССИФИКАЦИЙ

Каждая классификация в области языкознания или других наук представляет собою весьма ответственное и трудное дело. Сложность правильной систематизации исследуемого научного материала обусловлена главным образом многогранностью самого материала, но также и применением несоответственных или недостаточно последовательно продуманных приемов его анализа.

Первые научные попытки охарактеризовать топонимический материал относятся к XIX в. (см. труды Н. И. Надеждина, И. И. Срезневского, М. Я. Максимовича, М. Ф. Сумцова, Ф. Паляцкого, Ф. Миклошича и др.). В некоторых из этих работ приводится не только описание собственно географических названий, но и их соответственная группировка. Связь характеристики топонимии с ее соответственной классификацией свойственна и исследованиям XX в.

В прошлом наиболее простой и четкой была классификация Ф. Миклошича, который делит топонимы на две группы: 1) происходящие от названий лиц и 2) образованные от нарицательных названий. Этот принцип деления топонимов принят немецкими топонимистами (К. Дамрот, Е. Моор, Р. Траутман) в их трудах о славянских географических названиях на территории Германии и на территориях, заселенных западными славянами. Он отразился также на исследованиях топонимии южных славян (О. Франк) и весьма энергично проводится пред-

ставителелями польской топонимической школы (О. Брюкнер, В. Ташицкий, С. Грабец, П. Зволинский), которые впоследствии приняли предложенное В. Ташицким деление топонимов на две группы: 1) топонимы, искони бывшие названиями местностей, и 2) топонимы, бывшие поначалу названиями людей и лишь в дальнейшем ставшие обозначать территориальные объекты.

В известной степени продолжением предложенного Миклошичем деления топонимов была классификация украинского топонимического материала, почерпнутого из языка актов XIX—XX вв. (Л. Л. Гумецкая) и современных географических названий различных районов и областей Украины (К. К. Целуйко, М. Ф. Станивский, А. С. Стрижак и др.).

От классификации Ф. Миклошича и его последователей, в основу которой было положено происхождение топонимов, отличается другая схема классификации, исходящая из лексико-семантической структуры топонимов и сопровождаемая словообразовательной их характеристикой. Существуют различные варианты этой схемы классификации (М. Ф. Сумцов, Т. Войцеховский, Я. Отрембский, М. Кордуба), но, пожалуй, наиболее полно она проявилась в трудах А. М. Селищева и ряда его учеников и последователей (А. И. Попов, И. Д. Воронин, А. И. Лебедева, Л. Л. Трубе, В. М. Брахнов и др.).

В истории развития топонимики имели место и другие попытки классификации географических названий. Они засвидетельствованы в трудах А. И. Соболевского, П. Скока, О. Франка, С. Роспонда. Эти классификационные схемы строятся на морфолого-словообразовательном, а зачастую и на этимологическом анализе топонимических единиц. Такой принцип классификации находит наиболее широкое применение в наше время (в трудах В. Д. Беленькой, О. Ф. Рипецкой, А. К. Матвеева, В. А. Никонова, Н. В. Подольской, А. В. Суперанской, Г. П. Бондарук, Ю. А. Карпенко, И. А. Воробьевой и в ряде исследований, посвященных изучению белорусской, чешской, польской и латинской топонимии) и становится господствующим при рассмотрении структуры славянских топонимов и при составлении лингвистических атласов.

Обзор истории развития различных классификационных схем топонимического материала показывает, что эта проблема затрагивалась неоднократно, что она находилась в центре внимания на протяжении почти целого столетия и решалась исследователями как славянской, так и неславянской топонимии.

В наши дни существует две приемлемые лингвистические схемы классификации топонимического материала:

1) по лексико-семантической структуре как средству вскрытия топонимообразовательного исторического процесса;

2) по типу лексической или морфолого-словообразовательной топонимической деривации.

Следует указать, что каждая из этих классификаций правильна в научном и методическом аспектах. Выбор той или другой должен мотивироваться либо целью, поставленной исследователем, либо направленностью самого исследования.

Н. И. Толстой

ИЗ ИСТОРИИ СОБИРАНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКОЙ (ПРЕИМУЩЕСТВЕННО РУССКОЙ) ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Складывание и современное состояние систем местных географических терминов (МГТ) в славянских диалектах (языках) — проблема значительная и во-многом автономная по отношению к общим проблемам славянской лексикологии, топонимики и дисциплины, занимающейся выработкой научной географической терминологии и входящей в цикл географических наук.

Автономность этой проблемы, достаточно ясно осознанная лишь недавно в результате появления ряда монографий и работ Р. Бадъюры, И. Шютца, П. Нитше, Ф. Безлая, Т. А. Марусенко и др., не отрицает, а скорее подчеркивает и упорядочивает ее связь с перечисленными научными дисциплинами. В прошлом, при более синкретичном состоянии гуманитарных и естественных наук, не ощущалась необходимость отдельного, самостоятельного изучения МГТ. В начальные этапы развития славяноведения (XIX в.) сама топонимика еще не была выделена из истории, которой во многом подчинялась и лингистика (история языка). Естественно, что не делались, а в некоторых случаях и не могли быть сделаны и более тонкие различения, например, между диалектной системой МГТ и системой ГТ литературного языка. Что же касается связи МГТ и топонимов с историческими событиями и географической средой, то она казалась исследователям XIX в. более прямой и непосредственной, а способы решения конкретных задач, связанных с МГТ, более простыми, чем это представляется в наше время.

МГТ почти одновременно заинтересовались историки, лингвисты и географы. К тому же многие слависты XIX в. были в одном лице историками, филологами, а нередко и знатоками исторической географии. Нам известен интерес Н. П. Румянцева к таким МГТ, как **болонье, грунь, заруб** (20-е г.г. XIX в.), исследование С. Соловьева «О значении слова **черный** в древнем русском языке и преимущественно о **черном боре** новгородском» (1845 г.), работа Н. Я. Данилевского «Несколько мыслей о русской географической терминологии по поводу слов **лиман и ильмень**» (1869 г.), рассуждения П. А. Лавровского о терминах **ляд, лядина** в связи с происхождением этнонима **лях** (1870 г.), толкование П. Г. Лебединцева термина **болонье** в связи с определением местности, называемой Олеговой могилой (1879 г.) и другие заметки и очерки, где встречаются отдельные МГТ. Число таких заметок невелико: в русской научной литературе XIX в. оно не превысит полутора десятка названий. Их тематика как правило подчинена чисто топонимическим (антропонимическим) и историческим проблемам, — проблемам, которые уже глубоко волновали русскую гуманитарную научную мысль XIX в. (достаточно указать, что за период с 1825 г. по 1880 г. появилось до тысячи статей и книг, где подробно или хотя бы вскользь рассматривались отдельные топонимы, этнонимы и антропонимы).

В конце 80-х гг. XIX в. возникает первый в славистике опыт систематического истолкования МГТ в целях общей географической характеристики славянской прародины. Таковым был начальный раздел книг А. и С. Будиловича «Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным» (Киев, ч. I, вып. 1—1878, вып. 2—1879). Эта важная этно-лингвистическая проблема по более надежным источникам была поднята вновь почти полвека спустя знаменитым польским этнографом и лингвистом К. Мошинским в его работе «Заметки о славянской географической и физиографической терминологии, основанные преимущественно на белорусско-полесском материале» (Львов—Варшава, 1921). В наше время к ней обратились Ф. Безлай, В. М. Иллич-Свитыч и др.

В собирании МГТ в России большую роль сыграли географы и диалектологи, объединенные вокруг Русского географического общества (РГО) и Второго отделения. Академии наук. В 1847 г. было опубликовано известное обращение «От Русского географического общества», положившее начало специальному собиранию МГТ. РГО было занято созданием единой русской географической терминологии на национальной основе

(см. его отчеты 1849, 1850, 1851 гг. в «Записках РГО», кн. III—V), деятельностью, которая не прекращалась до начала XX в. (ср. труды В. В. Ламанского, Л. С. Берга, П. Л. Маштакова и др.) и продолжается и в наши дни (Э. М. Мурзаев). Академия наук предприняла издание серии очень значительных для своего времени областных словарей («Опыт» 1852 г., «Дополнение к Опыту» 1858 г., Архангельский и Олонецкий словари 1885 и 1898 г. и др.), призванных служить сокровищницей русской диалектной речи, содержащей немало МГТ. Эту деятельность Второго отделения поддержали своими трудами в России В. И. Даль, в Белоруссии—И. И. Носович, на Украине Б. Д. Гринченко, И. Верхратский и многие другие.

К концу XIX в. складывается представление о значении МГТ как а) особой терминологической сферы лексического состава языка (диалекта), б) материала для обогащения инвентаря научной ГТ (звено, связующее пласт нарицательных и собственных имен), в) материала для исторических, этнологических и др. штудий. Такое в общем понимание мы находим у Н. Ф. Сумцова в его брошюре «Малорусская географическая номенклатура» (Киев, 1886) и позже у В. В. Ламанского, Л. С. Берга (см. Л. С. Берг. О русской географической терминологии, «Землеведение», т. IV, СПб, 1915). К народной лексике, к МГТ как источнику научной терминологии обращался в Сербии знаменитый географ и энтограф Й. Цвиич (см. его «Српскохрватска терминологија и номенклатура» в кн. «Говори и чланци», III. Београд, 1923), в Польше Й . Сташевский, в Словении Р. Бадъюра и т. д.

В 1914 г. Ф. П. Саваренский делает интересную попытку на основании анализа топонимов, происходивших из МГТ, восстановить древнюю почвенную (геоботаническую) карту Тульской губернии (см. его «Избранные сочинения». М.-Л., 1950) и открывает при этом интересную частную топонимическую закономерность, которую теперь принято называть «относительной негативностью». Известный болгарский почвовед И. Странски обратился в наше время к МГТ для более точной и детальной классификации почвы и заболоченных мест (см. «Известия на почвения институт», кн. 2. София, 1954).

Изучение МГТ продолжается совместными усилиями лингвистов-диалектологов, топонимистов, географов и почвоведов. Возникает необходимость во все более строгом и подробном учете географии географических терминов, о чем уже была речь на конференции «Местные географические термины в топонимии» (М., 1966), в создании региональных сло-

варей МГТ, а в будущем и региональных атласов МГТ (см. мой доклад «О славянских областных словарях географических терминов» в кн. «Топонимика», 2. М., 1967).

Первыми работами, отвечающими сегодняшним научным требованиям, оказались словари МГТ, предваряющие топонимические словари и исследования отдельных карпатских зон — бойковской (Я. Рудницкий, Львов, 1939) и гуцульской (С. Грабец, Краков, 1950). В этом отношении, как и почти во всех других областях собирания и изучения славянской топонимики наши польские коллеги показывают нам пример. Однако эти вопросы относятся уже к современному состоянию науки, а не к ее истории.

Б. Г. Масленников

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ТОПОНИМИКИ МОРЕЙ, ОМЫВАЮЩИХ БЕРЕГА СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Морская топонимика является составной частью общей топонимики, причем провести четкую грань между ней и топонимикой суши довольно трудно. Основным предметом изучения морской топонимики являются названия морей, заливов, проливов, бухт, полуостровов, мысов, архипелагов, островов, мелей, банок, подводных впадин и подводных гор. В Советском Союзе, берега которого омываются водами четырнадцати морей, морская топонимика имеет давнюю историю. Наиболее древними морскими топонимами являются названия морей, крупных архипелагов, островов и заливов, побережья которых с давних времен были обжиты аборигенным населением. Период географических открытий и гидрографических исследований принес с собой большое количество топонимов, в основном, русского происхождения и имеющих прямую связь с историческими событиями того периода, с известными в то время именами и физико-географическими признаками именуемых объектов. В отечественной топонимической литературе достаточно освещен вопрос о происхождении таких топонимов, как Каспийское, Аральское, Черное и Азовское моря. Ясно происхождение названий морей, представляющих собой имена-посвящения (моря Баренцево, Берингово, Лаптевых). Но до настоящего времени отсутствует удовлетворительное толкование таких топонимов, как Балтийское и Белое моря.

Начальным периодом исследований морской топонимики, по нашему мнению, следует считать составление первых лоций

63016
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССК.
ИН-ТА

во второй половине XIX в., авторам которых принадлежат первые попытки толкования местных топонимов на побережьях морей. Там же мы находим объяснение возникновения морских топонимов, связанных с физико-географическими признаками объектов. Однако, это были лишь стихийные, попутные топонимические исследования.

К сожалению, «попутными» исследования топонимики морей оставались очень долго. В дореволюционной историко-географической литературе встречаются отдельные работы, лишь систематизирующие морскую топонимию. Примером таких исследований являются работы Л. Багрова и А. Мюллера по Каспийскому морю, А. Петермана по Новой Земле. Топонимический анализ приводимого материала в этих работах отсутствует.

В конце 30-х годов, в период наиболее плодотворного изучения и освоения Северного Ледовитого океана, возникает интерес к его топонимике. В 1938—39 гг. в журнале «Советская Арктика» появляются статьи В. Попова-Штарка об истории происхождения топонимов на Новой Земле, Земле Франца-Иосифа, Новосибирских островах и в других районах. Новоземельским названиям были посвящены работы И. Башмакова в том же журнале и В. Ю. Визе в сборнике «Летопись Севера».

Сводные работы по морской топонимике начали публиковаться в послевоенное время. В 1948 г. вышла книга Н. А. Бендер «Имена русских людей на карте мира», а в 1953 г. в сборнике «Русские мореплаватели» И. П. Магидович поместил справку «Русские имена на морской карте мира». Эти две работы, обобщая предыдущие исследования, явились итогом выполненных к тому времени разработок по морской топонимике. В послевоенный период были переизданы труды знаменитых русских мореплавателей и исследователей: Ф. Литке ,Ф. Врангеля, М. Лазарева, П. Пахтусова, В. Русанова и др. Редакторы новых изданий и авторы комментариев к ним провели большую работу, которая, хотя и не имела специального топонимического характера, но много дала для выявления названий, появившихся на морских картах после работ или плаваний этих экспедиций. Большое внимание топонимическим вопросам уделено также в книгах Н. Н. Зубова «Отечественные мореплаватели—исследователи морей и океанов», А. И. Соловьева «Курильские острова» и в целом ряде других работ, посвященных отдельным мореплавателям и экспедициям.

В 50—60-х годах наступает период, когда исследователи начинают все больше уделять внимания микротопонимам мо-

рей и океанов. Правда, большая часть работ, появившихся в свет в этот период, освещает русские географические названия на зарубежных территориях. Акватории омывающих Советский Союз морей посвящены книги А. Н. Рыжкова «Подвиги русских людей на Сахалине и Курилах», Ю. К. Ефремова «Курильское ожерелье». В это же время местными географическими названиями занимается целый ряд топонимистов в прибалтийских республиках, а так же в республиках, расположенных на побережьях Черного и Каспийского морей. Однако, основное внимание все исследователи уделяют при этом названиям населенных пунктов, рек и других объектов, имеющих лишь косвенное отношение к морской топонимике.

Последние годы принесли ряд топонимических работ почти по всем морям Советского Союза. Среди них такие, как «Географические открытия Русской полярной экспедиции Академии Наук 1900—1903 гг.». Н. Ершовой, «Краткий топонимический словарь Камчатской области» В. П. Кускова и др.

Анализируя состояние топонимической изученности морей Советского Союза, можно отметить, что в лучшем положении находятся дальневосточные моря. Топонимика Северного Ледовитого океана изучена очень слабо, а топонимы Балтийского, Черного, Азовского и Аральского морей почти совсем не изучены. При исследовании морской топонимики в качестве основных используются лингвистический и историко-географический методы. К сожалению, не все работы по морской топонимике равноценны и не все в полной мере удовлетворяют требованиям, предъявляемым этими методами к расшифровке морских топонимов.

В настоящее время сложилось такое положение, когда из-за разобщенности иногда ведутся дублирующие друг друга исследования морской топонимики. Поэтому мы считаем первостепенной задачей выявление всего обработанного материала по топонимике морей Советского Союза и издание его в одном «Морском топонимическом словаре».

ЛИТЕРАТУРА

Багров Л. Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря. «Зап. по гидрографии», вып. 35, 1912.

Башмаков П. Новая Земля и остров Вайгач. «Сов. Арктика», 1939, № 6.

Бендер Н. А. Имена русских людей на карте мира. М., 1948.

Визе В. Ю. Старинные русские названия на Новой Земле. «Летопись Севера» т. 1. М.-Л., 1949.

Жило П. В. О названиях Каспийского моря. «Изв. АН АзССР, Серия геол.-геогр. наук», 1960, № 4.
Жило П. В., Косарев А. Н. Топонимика некоторых географических названий побережья Каспийского моря. «Вестн. Моск. ун-та», серия V, География, 1966, № 3.
Зубов Н. Н. Отечественные мореплаватели-исследователи морей и океанов. М., 1954.
Коков Д. Н. К постановке вопроса о черкесской топонимике на Черноморском и Азовском побережьях. «Учен. зап. Кабард.-Балкар. Гос. ун-та», вып. 7, 1960.
Кусков В. П. Краткий топонимический словарь Камчатской области. Петропавловск-Камчатский, 1967.
Магидович И. П. Русские имена на морской карте мира. В сб. «Русские мореплаватели», М., 1953.
Новые названия на островах Комсомольской Правды. «Летопись Севера», т. 4, М.-Л., 1964.
Петерман А. Обзор плаваний к берегам Новой Земли. «Морской сборник», 1873, вып. 2.
Попов-Штарк В. Новоземельские географические названия. «Сов. Арктика», 1938, № 9.
Попов-Штарк В. Земля Франца-Иосифа. «Сов. Арктика», 1938, № 10.
Попов-Штарк В. Новосибирские острова. «Сов. Арктика», 1939, № 2.
Попов-Штарк В. Медвежьи острова. «Сов. Арктика», 1939, № 5.
Соловьев А. И. Курильские острова. М.-Л., 1947.

Э. М. Мурзаев

ТОПОНИМИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО Н. Я. МАРРА

1. Интерес к анализу географических названий, был присущ Н. Я. Марру в течение всей жизни, начиная с гимназических лет, когда была написана первая школьная работа о происхождении имени Батуми (1880) от греческого bathys — «глубокий».

2. В последующие годы ученый много и охотно возвращается к топонимическим сюжетам. Нужно сказать, что в большинстве случаев такие исследования географических названий не оказываются конечной целью, а используются для доказательства наличия яфетического начала в большом ряду языков Западной Европы, Поволжья («Чуваши-яфетиды на Волге») и других районов.

3. В работах Н. Я. Марра можно видеть специальные разделы, анализирующие местные географические термины и собственные географические названия. Так в большой работе «Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык» есть глава «Из топонимики», в которой рассматриваются термины гурт—«деревня» и шур—«вода», что сравнивается с армянским джур—«вода», кельтским (бретонским) dur—«вода» и основой русского глагола «журчать». Удмуртское gurt, kurt свя-

зано автором с рус. гурт (гуртом) и куча. Kuta в Грузии у колхозов — «город» и «тотем»; откуда Кутаис.

4. Известны и отдельные работы Н. Я. Марра — целиком топонимические. К ним можно отнести: «К вопросу о топонимике Крыма» (1927) и «К вопросу о названиях рек Сибири в освещении яфетической теории» (1926), которая написана под влиянием иркутского географа В. Б. Шостаковича, опубликовавшего статью «Историко-энтнографическое значение названий рек Сибири» (1926), «О происхождении имени Анапа» (1914), «Сухум и Туапсе. Кимерский и скифский вклады в топонимику Черноморского побережья» (1912) и др.

5. Топонимическое наследие Н. Я. Марра очень большое. Его значение противоречиво. Многие положения ученого и сегодня звучат современно. Приведу такие примеры: «Нет страны, где топонимический материал не представлял бы состава из наслоений различных эпох...» («К вопросу о топонимике Крыма»); «География и топонимика крепче и устойчивее, чем этнография и энтонимика в отношении первобытной культуры» («К вопросу о названиях рек Сибири...»); «Действительно первобытные названия реки сами по себе, без всякой добавочной прибавки определяющих слов, означают прежде всего нераздельно воду+реку...» (там же). То же у Александра Гумбольдта: «Самые древние названия горных цепей и больших рек первоначально почти всюду означали только гору и воду» «Центральная Азия», 1843, рус. изд. 1915).

Что можно возразить против тезиса Н. Я. Марра о том, что пережиточные представления древнейших эпох современных народов особенно четко прослеживаются в топонимике, в культовых терминах и в этнонимике?

6. Последующая история отечественной топонимики показывает малую продуктивность этимологий Н. Я. Марра. В современных работах очень редко можно встретить ссылку на его труды или развитие его идей, особенно когда это связано с мыслями автора о яфетическом начале в географических названиях далеких от Кавказа стран, четырехэлементном анализе топонимов или желанием видеть всюду тотемную основу («Из переживаний доисторического населения Европы, племенных или классовых, в русской речи и топонимике», 1926 или «К вопросу о названиях рек Сибири в освещении яфетической теории» 1926 и др.).

7. Семантические ряды Н. Я. Марра в топонимии не принимаются современными топонимистами. Сравним: рука—женщина — вода — дерево; небо — вода — земля и др.

8. В заслугу Н. Я. Марру можно поставить его широкие сравнения однозначных местных географических терминов и собственных названий с разных территорий и из разных языков, даже не принадлежащих к одной семье. Ученый объяснял это — ныне хорошо известное топонимическое явление — единым глоттогоническим процессом. Его лучше понять как явление субстрата и заимствований. Чем лучше мы узнаем географические названия — как системы, тем больше убеждаемся в широких трансконтинентальных ареалах для простейших географических терминов, обладающих единой или очень близкой семантикой (прозрачный смысловой сдвиг) и одинаковым или почти одинаковым звучанием. Игнорировать это явление уже невозможно.

Г. Ф. Благова

В. В. РАДЛОВ И ТОПОНИМИКА

1. У В. В. Радлова нет специальных работ, посвященных топонимике; почти нет и компактных высказываний по этой тематике. В то же время в трудах В. В. Радлова сосредоточен богатейший фактический материал по топонимии, собранный им преимущественно в полевых условиях. Естественно, что уже самый сбор топонимии, ее подача в тюркологических публикациях В. В. Радлова подразумевали постепенно складывающуюся систему топонимических взглядов. Взгляды В. В. Радлова на топонимику выявляются в отдельных острых наблюдениях, как блестки разбросанных в его многочисленных тюркологических трудах.

Ниже сделана попытка выделить, суммировать и систематизировать разрозненные наблюдения В. В. Радлова в связи с интересами и задачами современной топонимической науки.

2. Топонимические интересы В. В. Радлова, естественно, ограничивались тюркоязычным регионом. В начальный период его тюркологической деятельности это был ареал западной и юго-западной Сибири с прилегающими районами Монголии и современных Казахстана и Киргизии (см. его «Aus Sibirien», I—II, 2. Ausgabe, Leipzig, 1893, далее римскими цифрами обозначены тома этой книги). В итоговом труде В. В. Радлова — его «Опыте словаря тюркских наречий» (СПб, т. I—1893, т. II—1899, т. III—1905, т. IV—1911)—широко отражена топонимия всего тюркоязычного региона — от Алтая до западных окраин Турции включительно.

3. В регионе западной и юго-западной Сибири с прилегающими областями В. В. Радловым в полевых условиях обследованы ряд районов, составлены топографические их описания, путем визуального опроса записан из уст носителей языка жителей тех мест ценнейший и обширнейший материал по топонимии и микротопонимии: это (не говоря уже о детальных фиксациях населенных пунктов) оронимы и микрооронимы, гидронимы и микрогидронимы, т. е. освещен тот самый раздел топонимии, по которому до сих пор часто отсутствует всякий материал.

4. Методика полевого сбора материала определила подачу топонимии в работах В. В. Радлова. Ученый стремится зафиксировать не только распространенный среди русских топоним, но также и название, имеющее хождение среди коренного населения тех мест (например: «русское поселение **Тепло-Ключинская,** киргизами именуемое *Arassan* (Mineralguelle)», I, 112). При наличии разноязычного коренного населения приводятся по возможности все фонетические варианты топонима (называя, например, реку *Ku Irtisch* Радлов отмечает: «Киргизскими называется Kuertis, а монголами—*Ku Irtsis*», I, 8) или самостоятельные топонимические соответствия (название реки *Ssussulan* и его сойонское (resp. тувинское) соответствие *Jailyg*, II, 209).

5. Почти каждый приводимый топоним В. В. Радлов сопровождал посильной попыткой этимологизации его, подчас давая смысловой перевод топонима, в отдельных случаях поддержанный описанием реальных свойств самой географической реалии (например, «горная гряда *Ulan Ola*» сопровождается переводом «Красные горы» и тут же добавляется: «они действительно имеют красноватую окраску», II, 215). Иногда дается более или менее развернутая этимология топонима (**Алтай,** I, 70); не пренебрегает Радлов и народной этимологией, сразу же критически оценивая ее.

6. Топонимический анализ В. В. Радлова состоит, прежде всего, в выделении географической номенклатуры внутри приводимой топонимии. В результате выявлено, например, употребление слова баш/бас «голова» в качестве географического термина «начало/исток (реки)»; примечательно, что сочетаясь с соответствующим гидронимом, этот термин функционирует то как ороним (*Saldschar bashy* «*Saldschar Quelle*», I, 55) то у телесов (resp. алтайцев) как название озера (*Sai Konysch Bashy, Arsajak Bashy*—II, 167, 166). Продолжая свои наблюдения над жизнью и ролью гидронимов в сибирской топонимии, В. В. Радлов установил, что многие населенные пункты в исследуемом райо-

не также названы по именам рек, на которых они расположены, причем это распространилось и на русскую топонимию Сибири и прилегающих районов Казахстана — например, русские пикеты, одноименные с соответствующими гидронимами *Sary Bulak* (I, 115 и 466), *Kara Bulak* (I, 466), *Sok* (II, 147); деревная **Безрукова** имела другое название — **Протока,** так как она «находится на рукаве р. Томи» (I, 75). Здесь же упомянем о сообщении В. В. Радлова о том, что алтайцы (I, 257) и шорцы Северного Алтая «называют сами себя по рекам, на берегах которых они живут—*Pysas kishi* (*Psass-Leute*)», *Myras-kishi* (*Mrass-Leute*), *Tom kishi*, (*Tom-Leute*)», I, 213. В итоге вырисовывается совершенно исключительное место наименований рек в топонимии Сибири (и это открытие В. В. Радлова на гораздо более локальном материале и не столь отчетливо спустя столетие повторили М. А. Абдурахманов и А. А. Бонюхов[1]. Фактически в в этих своих наблюдениях (только лишь не обобщая их) В. В. Радлов вскрывает самый механизм топонимического наименования, исследуя таким образом, как и призывают современные топонимисты, не «изолированное название само по себе, а топонимические закономерности».

К той же области анализа могут быть отнесены и этюды о топонимах — словосочетаниях с прилагательными **ак** или **кара** в соответствующих словарных статьях «Опыт словаря тюркских наречий». Достаточно сказать, что различные фонетические варианты **кара су** получили здесь перевод «источник, родник, ключ, ручей, (разрядка моя.—Г. Б.). Такой перевод, собственно, позволял уже в конце прошлого века сделать вывод о преобладающем значении подобных гидронимов как вод, имеющих источником ключи и родники, — вывод, к которому только что пришла наша топонимика после долгих плутаний среди «темных, мутных вод».

7. Глубокое исследование сибирской и монгольской топонимии, географической номенклатуры, принципов топонимического наименования помогло В. В. Радлову выделить многочисленные топонимы при дешифровке древнетюркских рунических надписей с Орхона и Енисея, а в ряде случаев—идентифицировать выделенные топонимы с ныне существующими, фактически демонстрируя неизменность отдельных топонимов на протяжении тысячелетия.

8. Современные топонимисты подчеркивают обязательность комплексного применения методов лингвистического, истори-

ческого и географического анализа при изучении топонимии. Надо сказать, что уже в 60-х гг. прошлого века В. В. Радлов с его комплексным историко-филологическим образованием и живым интересом к этнографии и археологии Сибири, всестороннему изучению настоящего и прошлого которой он самоотверженно посвятил лучшие годы своей молодости, одним из первых сделал попытку интерпретировать своеобразие гидронимии северного Алтая, бассейна рек Томи и Чулыма во всем контексте изысканных им лингвистических, этнографических (I, стр. 188—189) и историко-археологических данных (II, 142). Благодаря такому комплексному подходу В. В. Радлов увязывал гидронимию на-sas/-säs и на-tat/ tät, -dat/-dät с двумя разными диалектами кетоязычных (или, как он писал, енисейско-остяцких) народов—коттов и аринов (I, 188—189). Идеи В. В. Радлова развиты в трудах А. П. Дульзона, которому принадлежит честь первым ввести в научный обиход эти интереснейшие и научно обоснованные наблюдения.

9. Изложенное обязывает современных топонимистов — исследователей сибирской топонимии и тюркской топонимии вообще пристально изучать труды В. В. Радлова. Об этом приходится особо говорить потому, что даже в специальных работах по топонимии Сибири, как правило обычны отсылки только к «Опыту словаря тюркских наречий», который привлекается в основном для выяснения значения либо географического термина, либо корневого слова, входящего в состав топонима. Между тем, «Опыт словаря . . .» буквально насыщен собственно топонимией—Радлов ввел туда топонимы и в качестве словарных статей и в качестве примеров на значение соответствующего нарицательного имени (точнее—омонима; например: ахал» 1) болезнь языка; 2) место, где живут теке-туркменцы», ОСТН, I, стлб. 132) или на его функционирование (акынты «течение реки, моря»—Акынты бурну Osm.) «мыс на Босфоре»).

10. В связи со сосредоточенным в книге В. В. Радлова «Aus Sibiren» обширнейшим топонимическим и микротопонимическим материалом, который, фактически представляет собой почти сплошной синхронический срез вековой давности по многим районам западной и юго-западной Сибири, западного Алтая, перед топонимистами Сибири встает задача росписи на карточки этого топонимического богатства (составление «картотеки Радлова»). Следующим этапом работы может быть проведение экспедиций по местам, обследованным В. В. Радловым, с целью записать современную топонимию этих райо-

нов и проверить по «картотеке Радлова», что изменилось в топонимии (изменения, очевидно, в наибольшей степени затронули названия населенных пунктов), что осталось неизменным, какие из конкурировавших (параллельно употреблявшихся) разноязычных или разнодиалектных топонимов сохранились, какие утрачены. Проведение такой работы обеспечит получение сразу двух срезов местной топонимии и микротопонимии, отделенных друг от друга более чем вековым периодом. Можно надеяться, что в результате такой работы удастся весьма наглядно наметить хотя бы пути и тенденции освоения местных топонимов русскими.

А. И. Туркин

ТОПОНИМИКА СЕВЕРА РОССИИ В ТРУДАХ ФИННО-УГРОВЕДОВ XIX — НАЧАЛА XX вв.

Интерес к изучению географических названий русского Севера обусловлен отсутствием каких-либо других сведений о древних вымерших языках на этой территории, а также скудостью исторических данных о его дорусском населении.

Начало изучения севернорусской топонимии субстратного происхождения связано с именами русских и финских финно-угроведов как старшего поколения—А. М. Шегрена, М. А. Кастрена, Д. Европеуса, М. П. Веске,—так и следующего за ним,—А. Каннисто, Я. Калима, Э. Тункело.

Русский академик А. М. Шегрен (1794—1855) был первым, кто обратил внимание на севернорусскую топонимику. Он был лингвистом, этнографом, историком и археологом. Кроме финно-угроведения он занимался и изучением кавказских народностей. Работы Шегрена отличаются большим кругозором и стремлением увязать их с материалом смежных дисциплин, в частности, с географическими названиями и фамилиями, которые учеными того времени почти не принимались во внимание. Шегрен в полной мере оценил значение собственных названий как свидетелей языкового прошлого изучаемой территории и широко использовал географические названия в своих палеоисторических исследованиях, хотя и не оставил специальных работ по топонимике.

Так, Шегрен обратил внимание на часто повторяющиеся названия рек с окончаниями **-йонга, -йенга, -енга, -онга,** которые, как он считал, соотносятся с гидронимами на **-йук, -йуга, -йога, -йега, -ега, -ога, -га** и отличаются только нали-

чием **н.** По его мнению, все эти гидронимы произошли от финно-саамских названий, в которые входило слово река»—*joki*, *jogi*, *jokka*, *juk*, *juch*. Почти всю севернорусскую топонимику на **-га, -нга** А. М. Шегрен считал прибалтийско-финской по происхождению и только незначительное количество названий возводил к пермским источникам. Топоформант—**немь**, встречающийся в названиях деревень и наволоков русского Севера, Шегрен возводил также к прибалтийско-финским источникам (фин. *niemi*, эст. *neem*, вепс. *nem* «мыс»). На русской почве **немь** часто переходит в **мена**, или **мина.** Например: **Ваарамина** из *Vaaraniemi* (фин. *vaara* «горка, сопка»). Некоторые этимологии, выведенные А. М. Шегреном, вызывают сомнения. Более удачной можно считать объяснение названий **Мегрега** и **Мегренга.** Элемент **мегр** Шегрен сопоставляет с карельским *mägra* «барсук». **Мегрега**— *Mägrajogi*—«Барсучья река». Он же первым высказал предположение, что древнее население Двинской земли (Заволочская Чудь) говорила на прибалтийско-финском языке.

Д. Европеус (1820—1884) занимался фонетикой, лексикологией, синтаксисом финского языка и другими вопросами сравнительного финно-угорского языкознания. Не остались вне круга интересов Д. Европеуса и географические названия. Ученым написано более десяти топонимических работ и, кроме того, отдельные вопросы топонимики русского Севера и Финляндии рассматривались во многих его лингвистических работах (2).

В топонимических трудах Европеуса могут быть выделены два основных направления: 1) топонимика Финляндии и Скандинавии, 2) топонимика Карелии и русского Севера. В работе «К вопросу о народах, обитавших в средней и северной России до прибытия славян» он писал, « что эти дорусские названия местностей, встречающиеся в северной и средней России от Ледовитого океана до реки Оки и от городов Витебска и Полоцка, большею частью югорского или угорского происхождения, то есть принадлежат языку предков наших венгров или мадьяров, вогуличей и остяков» (стр. 58). Топоформант **-енга, -еньга** он связывает с остяцким **иега (еага),** «река, вода», или с весьма распространенным окончанием прилагательных **нг** в обско-угорских языках. Д. Европеус приводит одиннадцать рек с названием **Печенга** и дает его весьма оригинальную этимологию, сопоставляя с остяцким **печеенг** «сосновая вода». Хотя этимологии Д. Европеуса по большей части произвольны (название **Вычегда** он сводит к **Вытшагет** «водяной ру-

кав, приток, изобилующий водой», а **Вологда**—к **Водшагет** «зверь-приток)», все же нельзя отрицать существования в севернорусской топонимии как угорского, так и других пластов уральского типа.

Известный финский лингвист и этнограф А. Каннисто (1874—1943) занимался изучением обских угров. В течение пяти лет (1901—1906) он жил среди манси, изучил все диалекты мансийского языка, записал большой фольклорный материал, собрал топонимию, а потом сверил все названия по картам в архивах Тобольска, Перми и Екатеринбурга. Во время длительного пребывания у манси и хантов он собрал также этнографический материал. Труды Каннисто в области мансиведения являются непревзойденными и служат почти единственным источником позднейших исследований по мансийскому языку. Топонимике посвящена одна статья Каннисто, где он рассматривает вопросы былого расселения манси (3)*. В этой работе Каннисто исследует распространение форманта **-я** (манс. **я** «река»), а также названий на территории Архангельской, Кировской, Пермской, Тюменской, Свердловской областей и Коми АССР, которые можно объяснить на материале мансийского языка. Всего Каннисто разбирает 262 названия, подвергает их этимологическому анализу и в некоторых случаях делает верные выводы. Однако, было бы ошибкой все приведенные в работе названия на —**я** относить к обским уграм. Каннисто не учел, что окончание **я** может возникнуть вследствие переработки других иноязычных формантов (коми **ва, ю** «река») на русской почве, путем приспособления к русскому окончанию женского рода. Например: р. **Мысья** (пр. Вильвы, бас. Язьвы) у язьвинских коми называется **Месйу** «коровья река». Реку **Кузья** иньвенцы Кудымкарского района называют **Кузью** «длинная река».

В некоторых гидронимах **я** является исконно коми словообразовательным элементом и указывает на наличие признака: **Бадья** (приток Камы) «река, на берегах которой растут ивы», **Лемья** (приток Конды) «черемуховая река», **Керья** (приток Мезени), бревно-река, и другие. Таким образом заблуждения А. Каннисто заключаются в том, что он везде и всюду искал мансийскую топонимику, когда надо было учесть и другие финно-угорские языки, в данном случае пермские. Приводимый в работе Каннисто большой фактический материал имеет большую ценность и теперь.

Финский ученый-славист Я. Калима (1884—1952) перед самой революцией вел занятия по финским языкам в Казан-

ском университете. Он занимался языковыми контактами финно-угорских народов и славян. Его работы в этой области не потеряли значения до сих пор. Важное место в исследованиях Я. Калима занимает топонимика. Он изучал географические названия северной России, Финляндии и мечтал написать большую работу о финно-угорских названиях Севера, но многолетний труд ученого остался незавершенным. Он успел выпустить лишь две работы по топонимике Севера (4)*. В частности, Калима заинтересовался происхождением севернорусской топонимии на **—ас, —ус.**

Этим же вопросом заинтересовался и другой финский ученый Э. Тункело (1870—1953) (5)*. Тункело изучал диалекты финского, эстонского, карельского языков, фонетику вепского языка и написал несколько работ о географических названиях Финляндии. Оба ученых подвергая севернорусскую топонимию на **—ас,—ус** структурно-фонологическому и этимологическому анализу, пришли к выводу, что она по своему происхождению является прибалтийско-финской. Я. Калима считал, что формант-**ас** возник под прибалтийско-финским влиянием и получил распространение уже на русской почве, а Э. Тункело представлял его обыкновенным прибалтийско-финским формантом.

Топонимы на **—ас,—ус** широко распространены по всему русскому Северу. Особенно компактные гнезда отмечены по притокам среднего течения Северной Двины, по верхней и средней Пинеге, а также по нижнему течению Мезени. В этих местах, как и повсюду на Севере, преобладают различные финно-угорские (особенно прибалтийско-финские и пермские) топонимические типы. Вопрос о происхождении названий на **-ас** и **-ус** очень сложный. Это видно хотя бы потому, что даже в обширной статье Я. Калима, где разбираются 104 названия, приводится очень мало убедительных прибалтийско-финских этимологий. При дальнейшем решении вопроса о происхождении топонимов на-**ас,-ус** полезно, наряду с финскими, учитывать данные других финно-угорских языков, в частности, пермских и саамского.

В начале XX века занятия по финно-угроведению и, в том числе, по изучению субстратной топонимики Севера, в России ослабевают.

Р. А. Агеева

ТОПОНИМИКА В ТРУДАХ М. А. КАСТРЕНА

Матаис Александр Кастрен (1813—1852) вошел в историю науки как крупнейший ученый и путешественник, который за неполные 40 лет жизни сумел заложить основы финно-угроведения как науки, внести значительный вклад в изучение нескольких языковых групп и в изучение этнографии многих народов Финляндии, Северной России и Сибири. Его научное наследие, после его смерти обработанное академиком А. Шифнером, содержит 12 томов. Оно включает в себя лингвистические работы по финно-угорским, самодийским, тунгусо-маньчжурским и палеоазиатским языкам, а также труды по этнографии алтайских народов и финской мифологии. Значительную часть изданных трудов М. А. Кастрена составляют его путевые очерки, сообщения и письма из путешествий 1838—1849 гг.

Изучение этнографии, языка и топонимии народов Финляндии, Северной России и Сибири входило в задачу М. А. Кастрена, путешествовавшего по поручению Петербургской Академии наук (инструкция, данная ему академиком Шегреном). Все его путевые очерки и письма пестрят географическими названиями, которые тщательно собирались М. А. Кастреном на всем протяжении его научных исследований. Там, где это было возможно, М. А. Кастрен записывал топонимические легенды. Знание языков позволяло ученому давать и этимологии названий; многие из них сохранили свое значение и в настоящее время.

Изучение топонимики служило Кастрену для проверки его научных гипотез. Так, при установлении степени родства между отдельными языками урало-алтайской языковой семьи, Кастрену помогло исследование языков и топонимии у народов верхнего Енисея. Материалы М. А. Кастрена показали, что в горах Алтая имело место длительное соседство самодийских и тюркских народов, и здесь же Кастрен впервые пришел к заключению о несомненном родстве финно-угорских языков с тюркскими. Самодийские языки, как выяснилось, составляют промежуточное звено между ними. Данные топонимики (тюркские названия рек, которые были найдены М. А. Кастреном даже в Финляндии) окончательно убедили его в том, что прародиной урало-алтайских народов были Алтай, на что указывали раньше и некоторые его предшественники. Путешествуя по Забайкалью М. А. Кастрен отмечает названия, которые ему кажутся

похожими на финские и самодийские, напр. **Уда, Конда, Нарым, Пурья, Селенга, Карга** и др.

М. А. Кастрен хорошо понимал важность сплошного топонимического обследования района. Блестящим примером этой методики является его гидрографическое описание бассейна р. Енисей от г. Енисейска до Северного Ледовитого океана.

Везде в своих заметках М. А. Кастрен стремится максимально полно отразить местную географическую терминологию. Так, например, в описании путешествия по мезенской тундре, он приводит ненецкие, русские и зырянские диалектные слова, употребляемые в качестве местных географических терминов (зыр. **ёра** «густой ивовый кустарник», рус. **мъянда**< **фин.** *mänty* «реденький ельник» и др.). В описании путешествия в Сибирь находим такие термины, как **полуй** или **прямица**— «новое русло реки» (М. А. Кастрен выводит рус. **полуй** от фин. *oja puoli* «половина реки)»; **курьи** или **протоки**— «рукава или разветвления реки, уходящие далеко в равнины и теряющиеся в них без всякого истока», **яр**—«высокий, обрывистый берег» (хант. **чер**) и др. М. А. Кастрен писал большинство своих заметок по-немецки; но пользуясь в своих поездках русским языком в качестве посредника при общении с местным населением, он, кроме названий из местных языков в фонетической транскрипции и немецкой традиционной транскрипции, дает, где это возможно, и русскую форму названий, либо самостоятельную, либо переводную. Это повышает ценность материалов М. А. Кастрена, т. к. дает возможность идентификации его записей с позднейшими русскими официальными источниками.

М. А. Кастрен стремится этимологизировать возможно большую часть собранных им географических названий. Так, в «Заметках о Заволоцкой Чуди» он дает целый список названий, собранных в Заволочье, с этимологией почти всех названий. Большинство из них не вызывает сомнений и в наше время, напр. о-в **Кягостров** фин. *käki* «кукушка»+рус. остров; **Сельгозеро**<фин. *selkä* «спина, возвышенность, хребет»; **Равдагорка**< фин. *rauta* «железо». Некоторые из них неубедительны, напр. **Лявля**< фин. *laulan* «я пою». Уделяя проблеме чуди большое внимание, Кастрен разделяет топонимы Заволочья на группы, этимологизируемые из прибалтийско-финских языков, коми-зырянского и саамского языков. Как известно, в общих чертах этимологии М. А. Кастрена были приняты и позднейшими исследователями Русского Севера.

Поскольку главным интересом М. А. Кастрена в его исследованиях было происхождение урало-алтайских народов, в его

трудах мы находим множество этнонимов, их объяснения и указания на соответствующие географические названия, в которых этнонимы нашли свое отражение. Например, в письме из Куолаярви (Финляндия) от 3 декабря 1841 г. М. А. Кастрен приводит список названий с основой *lapp*—: *Lappfjörd*, *Lappo*, *Lappajärvi*, *Lappeenranta* и др. Попутно он дает список названий саамского происхождения, в которых выделяет древнейший мифологический пласт. Путешествуя по Карелии, М. А. Кастрен записывает названия, происшедшие от имени тавастов: *Häme*, *Hämehen*, *niemi*, *Hämehen saari*.

Топонимические легенды, записанные М. А. Кастреном, входят неотъемлемой частью в предания народов Севера и Сибири о местожительстве их предков. В ряде случаев они указывают на передвижение народов, на исторические события, связанные с определенным географическим объектом. Говоря о финском названии *Karjalan saari* (Карельский остров), М. А. Кастрен приводит саамское предание о том, как саам Лаурукайнен хитростью погубил карел, заманив их на остров и заставив умереть голодной смертью. В северной Финляндии Кастрен отмечает названия **Риитасаари** («спорный остров»), **Тораярви** («спорное озеро»)—место, где финны соседили с саамами. В районе города Минусинска татары (этим нечетким термином М. А. Кастрен называет тюркоязычное население Сибири, в том числе самодийцев, усвоивших тюркские языки) рассказали М. А. Кастрену предание, связанное с происхождением названия р. Минуса. Два брата из древнего народа Чуди заспорили о землях на берегу реки, и каждый при этом восклицал: *min usa*, *min usa*! что значит по-чудски «моя часть». Эта легенда дает М. А. Кастрену повод усмотреть в этих словах сходство с фин. *minun osa* («моя часть»). Таких примеров у Кастрена можно привести множество.

В целом следует сказать, что труды крупнейшего лингвиста и этнографа XIX века М. А. Кастрена дают богатейший топонимический материал, который имеет неоценимое историческое значение, а его исследования языков исчезнувших в наше время народов (камасинцев и др.) дают ключ к разгадке происхождения многих географических названий Русского Севера и Сибири. Таким образом материал, собранный М. А. Кастреном в первой половине XIX в., сохраняет и сегодня свою актуальность для лингвистов и этнографов.

Е. М. Поспелов

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ДОСТОВЕРНОСТЬ НАЗВАНИЙ НА СТАРИННЫХ КАРТАХ

1. Подписи названий географических объектов на картах в прошлом были также обязательны, как и в наши дни. Однако характер подписываемых объектов с течением времени претерпел изменения. Например, если на картах Птолемея около 40% подписей приходилось на названия населенных пунктов, около 40%—на названия народов и племен, а остальные 20% подписей составляли названия физико-географических объектов, то к настоящему времени этнические названия полностью исчезли с общегеографических карт, доля названий населенных пунктов возросла до 80% и лишь относительное количество названий природных объектов осталось без изменений.

Таким образом, названия географических объектов составляли основу шрифтовой нагрузки уже на наиболее ранних картах. Естественен вопрос: насколько достоверны подписанные на них названия, в какой мере они могут быть привлечены для топонимических исследований. Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть некоторые особенности топонимического содержания старинных карт.

2. При нанесении названий авторы ранних и средневековых карт обычно не связывали себя какими-либо жесткими правилами: названия писались так, как они слышались, как произносились. Это неизбежно приводило к искажению названий, тем большему, чем дальше был язык названия от языка составителя карты. Наряду с вполне объяснимыми искажениями вследствие недостаточно квалифицированной устной передачи, встречаются и случайные искажения, вызванные неправильным прочтением названий на исходном материале.

3. В различных источниках одни и те же названия зачастую писались по-разному. Это явление, бывшее, очевидно, крайне нежелательным при практическом использовании карт по их прямому назначению, в наши дни, при применении карт в целях топонимического анализа зачастую оказывается весьма полезным, показывая название подчас с совсем неожиданной стороны и помогая этим установить его происхождение или значение. Образцом историко-географического исследования, основанного на привлечении большого числа вариантов, подписанных на различных старинных картах, может служить работа академика А. А. Шахматова (1924), посвященная анализу

всего двух названий черноморского побережья—Варанголимен и Россофар.

4. Однако для использования старинных карт важна не только форма названий, но и то, к чему они относятся. С этой точки зрения названия могут быть подразделены на относящиеся к реально существующим объектам и на относящиеся к объектам не существующим, вымышленным или ошибочно показанным. Первые абсолютно преобладают и в зависимости от характера их искажения при передаче и точности показа самого объекта, с той или иной степенью уверенности могут быть идентифицированы с современными топонимами. В некоторых случаях идентификация затрудняется тем, что понимание области распространения того или иного названия в прошлом было иным, чем в наши дни. Особенно наглядно это видно на примере выделения главной реки в речных бассейнах и ее именование. Известны отдельные случаи, когда названия, наносимым на карту безымянным объектам, присваивались самим картографом-составителем (Карта северных стран К. Клавуса 1427 г.).

5. Наряду с названиями реально существовавших объектов, на многих картах средневековья и раннего нового времени в той или иной мере были представлены названия объектов несуществующих. Появление многих из них было связано с весьма распространенным использованием в качестве источников составления различных литературных описаний, зачастую изобиловавших вымыслами, почерпнутыми из устных легенд. Из описаний эти вымыслы проникли на карты и переносились с одной на другую до тех пор, пока развитие географии не доказывало их несостоятельность.

Иногда несуществующие названия появлялись в результате того, что пояснительные подписи источника принимались за подписи названий, транскрибировались и соответствующим образом подписывались.

6. При совместном использовании нескольких перекрывающихся карт, в случае отсутствия необходимой увязки одно и то же название могло оказаться на карте дважды или даже трижды. Так, на карте Н. Витсена, 1687 дважды показана р. **Уссури,** подписанная один раз как **Усиур,** а другой—**Ушури**; также дважды показана и подписана р. **Зея** — как **Сиа** и как **Зия.** На другой карте Витсена подписаны **Амур** и **Гелунг,** где **последнее,** очевидно представляет китайское название Амура-**Хэйлунцзян.** Подобные примеры картографических ошибок могли бы быть продолжены, однако все они представляют со-

бой лишь эпизоды и не характеризуют старинные карты в целом.

7. Несмотря на наличие на старинных картах того или иного количества недостоверных названий, — выдуманных составителем или относящихся к несуществующим объектам, — это ни в коей мере нельзя считать препятствием к использованию этих карт в топонимических целях. Хотя подобные названия и усложняют работу, требуя дополнительных исследований, поисков источников, историко-картографических сопоставлений и т. п., но она окупается результатами, дающими картину возникновения и функционирования названий в прошлом.

8. Необходимо отметить, что использование старинных карт задача далеко не простая. Прежде всего, оно требует определенных палеографических познаний, без которых названия не могут быть прочтены правильно. А ошибочное прочтение не только не поможет исследованию, а наоборот, направит его по ложному пути и приведет к ошибочному выводу. Кроме того, чтение старинных карт в ряде случаев усложнено их плохой сохранностью: истиранием бумаги на сгибах, выцветанием красок и т. п. Однако все эти трудности преодолимы и, нужно надеяться, историко-картографический метод займет надлежащее место в топонимических исследованиях.

И. А. Воробьева

ТОПОНИМИЯ «ЧЕРТЕЖНОЙ КНИГИ СИБИРИ» С. У. РЕМЕЗОВА (1701 год)

1. Картографические, географические, историко-этнографические труды сибирского ученого-самородка С. У. Ремезова давно привлекают внимание исследователей. Особенно оживился интерес к его работам в связи с опубликованием в Голландии в 1958 году его первого атласа «Хорографической чертежной книги» 1697—1711 годов.

Атласы С. У. Ремезова, содержащие огромное количество географических имен, бытовавших в XVII в. еще не изучены в топонимическом отношении, хотя их значение для исследования истории топонимии трудно переоценить.

Более доступна для анализа топонимии «Чертежная книга Сибири», изданная в 1882 году Археографической комиссией. В этой книге имеется 5679 надписей к различным географическим объектам. Детальное исследование всей совокупности геогра-

фических названий «Чертежной книги» может иметь исключительно большое значение для изучения истории сибирских народов, выявления первоначальных мест их жительства, их перемещений на сибирской территории, а также для изучения истории заселения Сибири русскими, формирования русских сибирских старожильческих говоров. Однако такое изучение требует коллективных усилий со стороны многих топонимистов, занимающихся проблемами этногенеза и топонимии отдельных народов, и не под силу одному человеку. Наша задача (более скромная)—дать общую характеристику топонимии «Чертежной книги Сибири» и показать ее значение для исследования некоторых научных проблем.

2. Вся топонимия, представленная в книге, подразделяется на русскую по происхождению и русскую по употреблению. Под последней понимается топонимия аборигенных народов, освоенная русскими и употребляемая ими. Указанные две группы названий по разному соотносятся в зависимости от того, к какой группе географических объектов они относятся. Так, среди речных имен, очень многочисленных в книге (более двух тысяч), две трети названий принадлежат аборигенам и лишь одна треть—русские по происхождению. Среди названий озер уже более половины созданы русскими. Среди названий объектов, построенных руками человека, абсолютное большинство относится к русским по происхождению.

3. Исследование русских по происхождению топонимов проливает свет на первоначальную основу русской топонимии Сибири, особенности ее формирования и пространственного размещения. Эта часть топонимии рассматривалась нами в статьях: «Русские гидронимы Сибири в XVII веке»,[1] «Русская топонимика Сибири в XVII веке»[2].

4. Среди нерусских гидронимов по конечным формантам выделяются кетские, тюркские, селькупские, южносамодийские, мансийские, хантыйские названия и гидронимы других народов, населявших Сибирь, Среднюю Азию, район Урала и Севера Европейской части, конечно, с разной степенью полноты и достоверности. Большая часть этих гидронимов еще не этимологизирована.

5. При исследовании нерусских по происхождению топонимов «Чертежной книги» приходится считаться с характером и тенденциями русской адаптации этих названий. Подробно об

[1] См. сборник «Изучение географических названий», Вопросы географии, 70, 1966.

[2] «Лингвистический сборник», изд. Томского университета, 1964.

этом говорится в нашей статье «Некоторые замечания о русской адаптации иноязычных гидронимов Сибири в XVII веке»[1].

Кроме структурного переоформления по русским топонимическим моделям и звукового изменения под влиянием русского языка, многие нерусские топонимы обнаруживают следы русского диалектного влияния.

6. Собственные географические имена, представленные в рассматриваемой книге, широко варьируются. Появление вариантов обусловлено как использованием разных источников, так и действительным варьированием топонимов, характерным для устной речи.

7. Детальное изучение географических названий показывает, что имеющиеся параллельные голландские надписи не всегда идентичны русским, в частности, это касается селькупских топонимов. Впервые это отметил профессор А. П. Дульзон. Голландские надписи селькупских гидронимов более соответствуют истинному звучанию этих имен у селькупов. Тщательное исследование русских и голландских надписей может пролить дополнительный свет на историю «Чертежной книги Сибири» С. Ремезова.

Г. П. СМОЛИЦКАЯ

КАРТЫ ГЕНЕРАЛЬНОГО МЕЖЕВАНИЯ РОССИИ КАК ИСТОЧНИК ТОПОНИМИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Среди важнейших топонимических источников (например, памятников письменности, «Списков населенных мест Российской империи») картографические материалы Генерального межевания России занимают важное место. Эти материалы получили высокую оценку картографов в отношении подробности и достоверности приведенного в них материала[2]. Их преимущество не только в большей полноте, но и в картографированности топонимического материала.

2. В ЦГАДА (фонд № 1356) хранятся уникальные рукописные планы городов, станов, уездов, генеральные уездные атласы одно—, двух—и четырехверстного масштабов, составленные в период с 1773 по 1883 гг. Они охватывают почти всю

[1] См. «Вопросы лингвистики», изд. Томского университета, 1966.

[2] См. К. А. Салищев. Основы картоведения. Часть историческая и картографические материалы. М., 1948, стр. 158—161. М. М. Тихомирова. Новые данные о картах генерального межевания. «Сборник статей по картографии», вып. 13, М., 1961, стр. 101—111. С. Е. Фель Картография России XVIII в. М., 1960, стр. 209—215.

территорию Центральной России за исключением Сибири, юго-западной окраины России и большей части Архангельской области.

3. На картах Генерального межевания зафиксированы названия всех населенных пунктов того времени, что значительно больше, чем в Писцовых книгах и несколько иное, чем в «Списках населенных мест». На картах, например, есть такие населенные пункты, отсутствующие в Списках: д. Луковникова, д. Горасова, д. Безлычная, д. Осинки (Ряз. губ.); населенные пункты Батулова, Вежки, Липов Корь, Москина, Царсулль изменены в «Списках» на Батукова (Бутыкова), Вешки, Либовкорь, Маскино, Чарсулль.

4. Особенно ценны Карты Генерального межевания как гидронимический источник. На карты нанесены все водные источники протяженностью не менее версты, тогда, как в «Списках» указаны только те, на которых имеются населенные пункты. Тщательно показан характер русла, особенности его формы, выделены крупные гидрообъекты. Использована довольно обширная гидронимическая номенклатура, например: река, речка, ручей, исток, ключ, колодезь, озеро, пруд, затон, болото, а также связанная с ней оронимическая: верх, отвершик, ерик, лог, овраг и др.

5. Карты генерального межевания могут быть использованы как источник исследования местной географической терминологии, которая широко представлена в номенклатурных обозначениях объектов, а также в составе их названий. В первую очередь это относится к населенным пунктам и объектам гидрографии. Особенные преимущества дают карты при выявлении ареалов географических терминов, таких, например, как верх, лоск, плота, ржавец и др.

6. Картографированность топонимического материала помогает его исследованию. Соседство одного названия с другим может прояснить семантику или этимологию последнего. Так д. **Плота** проливает свет на соседние названия: р. **Плоская,** д. **Плоская,** погост **Плоский;** овраг **Бараней** — принимающую его р. **Авчуг** (<овца?) и расположенные на ней с. **Авчуг** и д. **Авчуг** (Орловская губ.).

7. Ценность карт Генерального межевания как топонимического источника повышается тем, что почти каждая карта представлена несколькими экземплярами, и иногда каждый экземпляр дает новый вариант названия. Например, оз. **Розвань** на одной карте, оз. **Розваное**—на другой и оз. **Разнозва-**

ное—на третьей карте; р. **Мармозня-Мармызна-Мармыжка** (Смоленская губ.).

8. На картах Генерального межевания содержится материал по диалектной фонетике, словообразованию.

М. И. НАВРОТ

ТОПОНИМЫ СЕВЕРО-ВОСТОКА СИБИРИ НА КАРТЕ Н. ВИТСЕНА 1687 г. КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕИЗВЕСТНОГО РУССКОГО ЧЕРТЕЖА СИБИРИ 1673 г.

1. Карты Сибири западноевропейских картографов XVI—XVII вв. Меркатора, Ортелия, Гондиуса, Сансона и других не давали представления о реальных географических объектах Сибири, чем и был отчасти вызван повышенный интерес иностранцев к русским чертежам Сибири. Так, Исаак Масса скопировал русский чертеж Севера России от Архангельска до устья Пясины. Шведский посол Кроннеман снял копию с чертежа Сибири 1667 г. «получив позволение продержать ее у себя одну ночь». Сотрудник того же посольства Прютц снял копию с этой же карты, полученной им от И. А. Воротынского на несколько часов, с тем чтобы он ее только посмотрел, «но отнюдь не счерчивал».

2. Амстердамский сенатор и бургомистр Н. Витсен подробно говорит об источниках своего труда о Сибири и карты 1687 г., но умалчивает об одном из основных источниках,—русском чертеже Северо-Востока Сибири 1673 г., почти полностью соответствующему «Списку с чертежа Сибирские земли» 1673 года, неизвестному до сих пор на русском языке.

3. На карте Витсена 1687 г. некоторые крупные географические объекты показаны дважды. Например, Якутск дан выше и ниже Алдана, на правом и на левом берегу Лены. Река Катунь нанесена и как правый, и как левый приток Оби. В разных местах показано несколько Мангазей и т. д. Это удвоение географических пунктов на карте 1687 г. Н. Витсена свидетельствует о том, что он механически соединил два русских чертежа Сибири 1667 и 1673 гг. и недостаточно отредактировал карту.

4. О чертеже Сибири 1667 г. Витсен говорит как об основном источнике для карты 1687 г. О втором чертеже он не говорит, но публикует его (по-видимому не весь, но интересующую

его часть) озаглавленную[1] «*Lant Kaarte vant Oost Tartarie. Autore N. Witsen, reip. Amst. Senatore*». В этом оглавлении нет ссылки на источники карты, но ее топонимы говорят сами за себя и полностью совпадают с топонимами северо-востока карты Сибири 1687 г. Н. Витсена.

5. Вышеупомянутые две карты Н. Витсена интересны тем, что они почти повторяют чертежное описание северо-востока Сибири (7-ю и 8-ю и некоторые другие грани) «Списка с чертежа Сибирской земли» 1673 г.

Например, «А от устья Колымы реки и кругом земли мимо устья рек Ковычи, Нанобары, Ильи и Дуры» до того камени (по-видимому Чукотского полуострова,—М. Н.) парусом добегают в одно лето, а как льды не пустят и по три года доходят. А через тот камень ходу день, а как на него человек взойдет и он оба моря видит—Ленское и Амурское».

Этому описанию почти полностью соответствует показанное на обеих картах очертание побережья северной части Чукотского полуострова, где повторяются все упомянутые топонимы с незначительными изменениями. Например, **Ковыча** — *Konitsa* **Нанобара** — *Anobara*, **Илья** — *Ilja*, **Дура** — *Urack*, **море Ленское** — *De Zee, Lenskogo*, море Амурское — *Amurse Zee*.

6. Непонятные русские слова с чертежа Сибири 1673 г. послужили источником тех топонимов-курьезов, о которых в свое время писал еще Шренк[2]. Это такие названия местностей как **Отсель Пошел** (*Otsel Poschel*), **Восток**, находящийся на севере Сибири, **Отморе** и другие.

7. В разных изданиях карты Н. Витсена 1687 г. русские топонимы даются по-разному. Иногда они транскибируются, например *Zemle Giletskaia* (Земля Гилятская), на других картах переводятся *Gillaki Peupls*, *Brandende Poel* и др. Последний перевод обозначающий «Огонь горящий» интересен тем, что он полностью соответствует следующей фразе из «Списка с чертежа Сибирския земли»—«с левой стороны реки Вилюя огонь исходит зимою, а летом как вода разольется и то место водою покрывает. А. как вода сойдет и огонь по-прежнему».

8. Очень своеобразен топоним **Столпка Мемкой** (*Stolpca Memcoy*), в котором трудно узнать русский топоним—**Столп Каменной.** Разгадке этого топонима помог «Список с чертежа Сибирския земли», где сказано: «а против устья Камчатки реки вышел из моря столп каменной, высок без меры». Этот Столп

[1] Карта хранится в секторе Исторической географии и картографии Гос. Исторического Музея № Т. О. 6068.

[2] Л. И. Шренк. Об инородцах Амурского края, т. 1, СПБ. 1883.

Каменной, написанный русской скорописью без разделения на слова, был разделен Витсеном как **Столпка менной.** Но сдвоенное **н** писалось скорописью как четыре черточки, которые Витсен прочел как **мк** и у него получился топоним **Столпка Мемкой.**

9. Но несмотря на все курьезы, топонимы северо-востока Сибири на карте 1687 г. Н. Витсена оказывают русской картографии большую услугу. Они свидетельствуют о существовании еще одного русского чертежа Сибири 1673 г. Возможно это «Селенгинский чертеж», составленный тем же сыном боярским С. В. Поляковым, который составил уже известный в литературе чертеж Сибири 1673 г. (скопированный Э. Пальмквистом), и одновременно подал оба чертежа в Сибирский Приказ, где один из них «затерялся». Но возможно, что его составил и кто-либо другой, но не позже 1673 г., так как его связь с чертежным описанием северо-востока Сибири в «Списке с чертежа Сибирския земли» 1673 г. неопровержима.

10. Карты Сибири 1687 г. Н. Витсена неоднократно переиздавались в конце XVII и первой четверти XVIII вв. крупнейшими картографами и издателями (Ф. де Витт, К. Алард, Г. Делиль и др.). Сведения о реальных географических объектах Сибири, собранные русскими землепроходцами, через карты Сибири Н. Витсена входили в научный оборот западно-европейской картографии, вытесняя устаревшие, фантастические карты Сибири и Северо-восточной Азии Гондиуса, Сансона и других западно-европейских картографов.

СОДЕРЖАНИЕ

А. И. Попов (Ленинград). Исторические основы методов топонимического исследования 3
А. В. Суперанская (Москва). Эволюция взглядов на имя собственное в науке о языке 5
Ю. А. Карпенко (Черновцы). История этимологического метода в топонимике 7
Н. В. Подольская (Москва). О развитии отечественной топонимической терминологии 9
Е. М. Черняховская (Львов). История разработки топонимических классификаций 12
Н. И. Толстой (Москва). Из истории собирания и исследования славянской (преимущественно русской) географической терминологии 14
Б. Г. Масленников (Москва). История исследования топонимики морей, омывающих берега Советского Союза 17
Э. М. Мурзаев (Москва). Топонимическое наследство Н. Я. Марра 20
Г. Ф. Благова (Москва). В. В. Радлов и топонимика . . . 22
А. И. Туркин (Сыктывкар). Топонимика севера России в трудах финно-угроведов XIX — начала XX вв. 26
Р. А. Агеева (Москва). Топонимика в трудах М. А. Кастрена 30
Е. М. Поспелов (Москва). Относительная достоверность названий на старинных картах 33
И. А. Воробьева (Томск). Топонимия «Чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова (1701 г.) 35
Г. П. Смолицкая (Москва). Карты Генерального межевания России как источник топонимического исследования 37
М. И. Наврот (Москва). Топонимы Северо-Востока Сибири на карте Н. Витсена 1687 г. 39

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Т-15823. Подписано в печать 23/XI 1967 г. Тир. 500

Типография Центросоюза. Зак. 6393

Цена 15 коп.